

Е. А. Мироненко

*кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и русского языка
Кемеровский государственный университет культуры и искусств*

К ВОПРОСУ О ФОЛЬКЛОРИЗМЕ

Исследование проблемы фольклоризма является одним из наиболее актуальных направлений современной науки о фольклоре. Так, В. В. Савельева указывает на мифы, легенды, предания, сказки, эпические сказания разных народов как на возможный метатекст художественных произведений. У. Б. Далгат выделяет фольклорно-этнографический контекст, полагая, что данный тип контекста образуется посредством включения в художественную ткань повествования различных устно-поэтических элементов (образных, стилистических, языковых, сюжетных и т. д.), а также этнографических реалий. Исследователь отмечает, что «в сложной повествовательной системе они могут рассматриваться как своеобразные этно-эстетические микроединицы, в которых представлены поэтическая, эмоциональная, философская, социально-психологическая информация о духовной и материальной культуре народа» [1, с. 6, 14].

Фольклорно-мифологический тип контекста не может быть сведен к контексту литературному. Различие между ними заключается в форме коммуникации между текстом и контекстом. Фольклорный контекст не имеет материальной, письменной фиксации, поэтому когда говорят о нем, то подразумевают народную среду, в памяти которой он существует. Особенно значителен в данной ситуации контекст жанровый.

Следующее немаловажное отличие литературного и фольклорного контекста заключается в художественной специфике двух систем фольклора и литературы: в основе первого лежит «эстетика тождества», в основе второй – «эстетика противопоставления» (термин Ю. М. Лотмана). Существо создания фольклорного текста состоит не столько в противопоставлении существующей в жанровом контексте структуре, сколько в ее повторении – процесс текстообразования строго контролируется фольклорным контекстом, в результате чего текст и контекст как бы сближаются, в то время как художественный текст отталкивается от контекста, диалогизирует с ним. Именно этот процесс диалога художественного текста с предшествующим и окружающим его контекстом создает силовое поле, в пространстве которого только и могут быть выявлены те дополнительные смыслы, подводные течения, которые в конечном итоге и определяют многогранность читательского восприятия авторской идейно-эстетической концепции. Чем богаче представление о контексте, тем глубже проникновение в текст.

На настоятельную необходимость исследования контекста указывал еще М. М. Бахтин: «В какой мере можно раскрыть и прокомментировать смысл (образа, символа)? Только при помощи другого (изоморфного) смысла (символа или образа). Растворить его в понятиях невозможно. Возможна либо относительная рационализация смысла (обычный научный анализ), либо углубление его при помощи других смыслов (философско-художественная интерпретация) – углубление путем расширения далекого контекста» [2, с. 207]. Специфика анализа фольклорно-литературных связей заключается как раз в этом соединении рационализации смысла с философско-художественной интерпретацией, когда предметом научного исследования становится расширение контекста. Вы-

явление фольклорно-мифологического контекста, установление особенностей трансформации, функционирования и интерпретации традиционных элементов, явлений в художественном тексте позволяет не только проникнуть в творческую лабораторию писателя, не только проследить формирование и развитие стиля, но и выявить неповторимые психологические закономерности процесса творчества и эволюцию художественного мышления в целом.

Особенно актуальной является проблема соотношения фольклорного и мифологического начал в художественном тексте. Единого мнения по вопросу разграничения фольклоризма и мифологизма в современных исследованиях нет. Сложность проблемы состоит в том, что, с одной стороны, литература и фольклор представляют собой две самостоятельные эстетические системы, различающиеся по способам восприятия, отражения и интерпретации действительности, с другой стороны, они в совокупности составляют собой сферу искусства слова.

Различные исследователи проблемы литературно-фольклорных связей делают акцент либо на сходствах, либо на различиях устного словесного и письменного авторского творчества. Позиция Д. С. Лихачева основана на убеждении в противостоянии фольклора и развитой литературы как двух систем: даже при использовании литературой фольклора она обращается к нему как к чему-то самостоятельному, лежащему вне ее. Б. Н. Путилов также заостряет внимание на факторах, разделяющих две системы словесного творчества: их разной социально-общественной принадлежности и функциональном назначении, коренном различии в способах создания и взаимоотношениях с творящей и воспринимающей средой, стадияльных несовпадениях. Исследователи проблемы фольклоризма У. Б. Далгат и Г. Г. Гамзатов в качестве исходной предпосылки исследования выдвигают тезис о необходимости принципиального различения двух эстетических систем. Выяснение системообразующих отношений между литературой и фольклором, с точки зрения У. Б. Далгат, составляет суть решения литературно-фольклорной проблемы [1, с. 70].

С такой позицией не согласны Ю. М. Лотман и З. Г. Минц, полагающие, что фольклор как искусство слова примыкает к литературе, и Д. Н. Медриш, который настаивает на системном подходе, при котором обе отрасли словесного искусства рассматриваются как две составные части единой метасистемы. Последователи ученого включают в состав метасистемы также и мифологию. В то же время Ю. М. Лотман и З. Г. Минц считают мифологию и литературу двумя принципиально различными способами мировидения, которые существуют одновременно, взаимодействуя друг с другом и лишь в различной степени проявляясь в те или иные эпохи. Они констатируют, что взаимодействие мифа, фольклора и литературы происходит постоянно. Этот процесс взаимодействия может происходить непосредственно, в форме «переливания» мифа и фольклора в литературу, но возможен иной путь – через изобразительное искусство, ритуал, различные научные концепции мифологии, эстетико-философские учения и фольклористику. Особенно активизируется взаимосвязь мифа и литературы в пограничной зоне фольклора, т. к. последний по типу сознания тяготеет к мифологии, но как словесное искусство примыкает к литературе. Подобная двойственная природа фольклора позволяет назвать его посредником между мифологией и литературой не только в генетическом, но и в типологическом аспектах.

Генетически фольклор, как и всякая традиция, основывается на мифе. Традиция является основой мифологизации истории, ее сакрализации. Возвращая человека к истокам бытия, она выполняет те же функции, что и миф – является парадигмой, образцовой моделью поведения. Однако, исполняя прикладную роль сакрализации быта, народное поэтическое творчество является именно творчеством в полном смысле этого слова, т. к. в то же время оно направлено на удовлетворение эстетических потребностей народа. Фольклор представляет собой иную, нежели мифология, стадию развития художественного мышления.

Именно от фольклора литература унаследовала огромный пласт эстетического наследия: «в коллективном творчестве сформулировались практически все основные принципы конструирования художественного образа: структура метафоры, принцип метанимизации, символ и т. п., принципиальная схема сюжета, – пишет С. Жукас. – Эти принципы художественного мышления в современной литературе овеществляются новым материалом, интерпретируются, образуют самые глубокие слои современного произведения» [3, с. 14].

Соглашаясь с автором процитированного высказывания, мы все же считаем необходимым отметить, что символ и схема сюжета, в частности, романа, восходят в своем происхождении не к фольклору, а к мифологии (этот вопрос будет рассмотрен подробнее во втором разделе настоящей главы). В исследованиях последних лет высказывается мысль о том, что литература впитывает мифологическое наследие, в большей мере минуя посредничество фольклора, а мифологемы и элементы мифосознания зачастую проявляются напрямую. Миф проникает в художественные тексты в виде «неосознанных, утративших первоначальное значение обломков, незаметных для самого автора и оживающих лишь под рукой исследователя» [4, с. 35].

При изучении вопроса о взаимоотношениях мифологии, фольклора и литературы следует также учитывать, что вклад в развитие последней со стороны мифологии заключается в формировании фундаментальных принципов художественного мышления, не говоря об отдельных образах, схемах, структуре повествования.

Сложная природа взаимоотношений литературы, фольклора и мифологии в их генетическом аспекте послужила причиной отсутствия единогласия в вопросе различения фольклоризма и мифологизма. Вероятно, именно мифологичность фольклора как искусства традиционного заставляет некоторых исследователей не разграничивать фольклорный и мифологический материал, функционирующий в художественном контексте, зачисляя проявление мифологизма в разряд фольклоризма, и наоборот.

Широкое определение В. Е. Гусевым фольклоризма как «процесса освоения и трансформации фольклора в общественном быту, культуре и профессиональном искусстве» [5, с. 469], данное в Литературном энциклопедическом словаре, все же не дает ответа на вопрос о соотношении фольклоризма и мифологизма. В том же словаре С. С. Аверинцев и М. Н. Эпштейн относят к проявлению мифологизма только те случаи, когда в тексте воспроизводятся «такие фольклорные и этнически самобытные пласты национального бытия, где еще живы элементы мифологического мирозерцания» [5, с. 224]. Справедливым представляется мнение Н. И. Савушкиной, согласно которому понятие фольклоризма чрезвычайно близко мифологизму, но не тождественно ему.

Критерии разграничения фольклоризма и мифологизма предлагает К. Г. Исупов. Он исходит из того, что понятия «историзм – мифологизм – фольклоризм» отражены в отношениях понятий «мировоззрение – метод – стиль» [6, с. 5]. Критерием разграничения фольклоризма и мифологизма исследователь считает характер представленной картины мира (универсальная – национальная); уровень использования в тексте (сюжетный, образный, композиционный, стилистический); принцип использования (возможность – невозможность стилизации). Ученый исходит из того, что миф является для писателя некой изначальной фабулой, свободной от условностей этноса, универсальной, поэтому служит литературе в качестве набора символических ситуаций и типов поведения (уровень содержания), тогда как фольклор – в качестве источника жанрово-речевых клише, в которых отражены итоги национального опыта (уровень формы). Фольклор поддается стилизации, в то время как миф воспроизводится: в мифе отсутствует объект стилизации, поскольку он является миром событий и поступков, а не слов и интонаций. Фольклоризм же, не исключая возможности использования фабулы, мотива, образа и т. д., выражается в прямом цитировании фольклорного текста или в речевой и жанровой стилизации источника и его этнографических реалий. К. Г. Исупов полагает, что

фольклоризм и мифологизм связаны в сознании художника «логикой аспектуальных взаимопереходов»: фольклоризм является аспектом стиля, переосмыслением поэтики фольклора средствами литературы, мифологизм – аспектом художественного метода – «сюжетно-мотивационным конструированием художественной реальности по образцу мифологического стереотипа» [6, с. 5].

Последний тезис нуждается в некоторой корректировке. При определении фольклоризма важно учесть мнение У. Б. Далгат, которая считает, что фольклорные элементы приобретают в литературном контексте известную поливалентность: они в качестве национально-эстетических категорий относятся как к языку и стилю, так и к содержанию литературных произведений [2, с. 14–15]. Кажущееся противоречие между сторонниками и противниками разграничения фольклоризма и мифологизма представляется возможным устранить. Фольклорный материал, функционирующий в художественном тексте, может быть разделен по принципу использования его в произведении – в буквальном соответствии с фольклорной традицией или в переносном, «метафорическом» смысле. О *буквальном* перенесении традиционного мотива или образа можно говорить в том случае, если автор реализует его в том же «конкретном» виде предметно-действенного осуществления, что и в народной поэтической традиции, с той или иной долей трансформации в тексте (например, на могиле героя вырастает дерево, или встреча героя и героини происходит у реки). Тип «*метафорического*» использования фольклорных единиц наблюдается в случаях, когда для установления соответствия последним исследователю требуется большая доля абстрагирования от предметно-действенной сферы; фольклорные составляющие при этом используются в фигуральном, переносном значении, получая новое, часто неожиданное образное и смысловое содержание. Примером такого «метафорического» применения фольклорного материала может служить фольклорный мотив «строительной жертвы», выявленный Е. В. Ветловской в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» – в словах Ивана о «слезинке замученного ребенка» [7]. В отличие от «буквальной» реализации фольклоризма (который может быть назван внешним), когда фольклорный колорит текста виден непосредственно, фольклоризм «метафорический» (глубинный) заключен в подтексте и выявляется лишь при детальном исследовании фольклорного контекста произведения. Он передает, если так можно выразиться, не «букву» фольклорного сознания, но «дух» – осевшие где-то в подсознании фольклорные стереотипы мышления, которые, помимо авторского произволения, просвечивают в рациональных построениях философско-эстетической концепции текста. Как правило, фольклорный материал, использованный «метафорически», представляет собой элементы народной поэтики, непосредственно связанные с обрядовыми представлениями и через них восходящие к мифологическому сознанию.

Этот тип фольклоризма в некотором роде может быть сближаем с проявлением мифологизма в его имплицитной форме, следовательно, не всегда свидетельствует о сознательном использовании автором фольклорного материала. В этом плане категоричное утверждение Л. И. Емельянова о неременной осознанности и целенаправленности использования в литературе фольклорного материала, а также позиция У. Б. Далгат, считающей, что на этапе развитых литератур сознательная установка на фольклоризм обязательна, будут верны лишь частично [1, с. 14]. В отношении мифологизма утверждение о сознательной установке писателя не столь категорично. Ю. М. Лотманом, З. Г. Минц, Е. М. Мелетинским допускается бессознательное воспроизведение мифологических архетипов и мотивов в художественном тексте: «Связь литературы с архетипическими явлениями искусства зависит не столько от сознательной творческой установки писателя, от его субъективных намерений, сколько от хранящей «память жанра» сферы бессознательного» [8, с. 15]. Взаимоотношения литературы и фольклора рассматриваются в двух аспектах: синхронном и диахронном. Такое рассмотрение предполагает наличие между названными системами внешних и внутренних связей, внешней формы

соотношений и взаимоотношений форм в системе. У. Б. Далгат в работе «Литература и фольклор» анализирует состояние литературно-фольклорных связей в современном литературном процессе и творчестве отдельных писателей с точки зрения степени и эстетической специфики соотношения индивидуального и коллективного начала [1, с. 6]. Автор выделяет два уровня подобного соотношения: уровень младописьменных и уровень развитых литератур. В произведениях первого уровня «фольклорные элементы» не подвергаются каким бы то ни было трансформациям, у них отсутствуют вторичные смысловые образования. На втором уровне происходит замена генетической преемственности на творческое заимствование при доминировании различного рода трансформаций фольклорных явлений: идейных, сюжетно-композиционных и других.

Таким образом, исследование места фольклора в художественном тексте направлено, в первую очередь, на выявление связей фольклорных элементов с другими элементами художественной системы произведения как целого. Важно учитывать, что системность последнего предполагает наличие в нем таких внутренних связей всех элементов, при которых идейное содержание, образные и сюжетные элементы, словесные изобразительные средства синтезированы в органическое единство, систему, части которой взаимосвязаны и взаимообусловлены. При таком системном подходе художника к фольклорному материалу, когда введение отдельной фольклорной единицы функционально оправдано, обращение к народному поэтическому началу не только не оспаривает художественной самостоятельности литературного текста, но способствует его идейно-эстетическому своеобразию и целостности.

Подобный аспект взаимоотношений фольклора и литературы возможен на стадии развитых литератур; в произведениях зрелой литературы фольклорные элементы способны выполнять целый ряд художественных функций: стиле- и жанрообразующую, сюжетно-композиционную, функцию передачи национального колорита и психологии и т. д.

Особенно следует отметить важность мировоззренческой и моделирующей роли фольклорных единиц в литературе. Как известно, мир в фольклоре предстает в идеализированном, гармоничном виде. Он статичен и неизменен, следовательно, способен выступать этической и социальной константой, относительно которой реальная действительность предстает в обостренно-противоречивом и разорванном виде. Необходимость в осуществлении гармоничного мира в границах авторского текста часто приводит к удвоению художественного пространства по типу «реальность – мечта», а идеальный мир мечты строится по законам фольклорной традиции. Однако, при всей важности функций фольклора в художественном тексте, было бы преувеличением видеть в фольклоре единственный идейно-эстетический источник литературного творчества. Для исследователя существует опасность «перегрузить» выводы, завысив роль фольклорных элементов в авторской лаборатории. Следует помнить, что литература является «не равнодушным приемником, а активной, требовательной, генерирующей и созидательной субстанцией» [9, с. 116]. Поэтому наиболее полным нам представляется определение Т. Леоновой: «Фольклоризм – это проявление в литературе связи с фольклором в формах и качестве, зависящих от личности и творческой индивидуальности писателя, это использование в литературных произведениях фольклорных сюжетов, мотивов и образов, поэтических средств в их изначальных или измененных функциях, это наличие генетической или типологической связи литературного произведения с народно-поэтической традицией или нарочитое противопоставление ей (оппозиция)» [10, с. 4].

В настоящее время многие фольклористы склоняются к широкому пониманию фольклоризма, предлагая анализировать не только непосредственное взаимодействие авторов с конкретным фольклорным материалом, но, учитывая синкретический характер фольклора, исследовать влияние всей совокупности явлений народной культуры, народного сознания. Фольклоризм может быть не только прямым, но гораздо чаще – «опосредован-

ным литературной традицией или творческим методом писателя усвоением фольклора во всем многообразии форм его использования (включения) на всех этапах творчества и на разных уровнях художественной структуры произведения», – пишет Н. И. Савушкина [11, с. 95].

Важно отметить, что в процессе анализа фольклорно-литературных связей фольклорные элементы должны рассматриваться не только в своем исконном значении – настоятельная необходимость заключается в выявлении тех преобразований, которым они подвергаются в произведении. Степень и качество подобных трансформаций у каждого писателя индивидуальны, являясь принадлежностью не только авторского стиля, но и особенностью художественного мышления, не говоря о специфике отдельного текста.

Тип фольклоризма, представленный в конкретном литературном тексте, зависит не только от творческой манеры писателя и его замысла, но возникает на стыке специфических особенностей литературного направления и индивидуального своеобразия писателя. Динамическое соотношение «направленческого» и индивидуального и определяет специфику фольклоризма в творческом методе писателя.

Основанием для классификации типов фольклоризма принято считать их функции в художественном произведении. Так, У. Б. Далгат в соответствии с выполняемыми функциями и характером связи с другими элементами в художественной системе различает фольклорно-этнографический контекст и фольклорный ингредиент как повествовательный фактор. На наш взгляд, предварительно нужно уточнить понятие фольклорно-этнографического контекста. Применительно к представлению, изложенному в работе исследователя, данное понятие может трактоваться двояко. В широком смысле под фольклорно-этнографическим контекстом можно понимать все, что выводит текст за его пределы, связывая с внетекстовой фольклорно-этнографической реальностью. С другой стороны, претендовать на содержимое понятия фольклорно-этнографического контекста может (в узком смысле) конкретный фольклорный и этнографический материал, трансформированный и функционирующий в данном произведении как в литературном контексте. Скорее всего, когда У. Б. Далгат пишет о фольклорно-этнографическом контексте, имеется в виду последний. Исследователь допускает два возможных пути использования фольклорного материала в художественном тексте: 1) полное подчинение контексту произведения; 2) сохранение эстетики фольклора в литературном контексте. Первый путь в системе художественного текста образует контекст фольклорно-этнографический. Показателем его служит органическое включение этно-фольклорных элементов в художественную структуру произведения, образование наряду с другим, нефольклорным материалом, явления «художественного синтетизма».

Фольклор как повествовательный фактор, в отличие от явления «художественного синтетизма», воспринимается в тексте в качестве маркированной, автономной части в структуре произведения, изъятие которой не нарушило бы идейно-художественной целостности текста.

Д. Н. Медриш в работе «Литература и фольклорная традиция» рассматривает иные аспекты фольклоризма, выделяя уровневые соответствия в литературно-фольклорных отражениях. Ученый выделяет три уровня взаимосвязи литературы и фольклора: 1) взаимодействие фабул; 2) взаимодействие средств выражения; 3) фольклорное «чужое слово» в художественном тексте (цитата, аллюзия, реминисценция, перифраз). Согласно мнению исследователя, «многочисленные и разнообразные контакты между фольклором и литературой приводят не только к взаимопроникновению сюжетов или к заимствованию неизвестных воспринимающей системе изобразительных средств, но подчас и к вкраплению отдельных элементов (отрезков) определенного текста, принадлежащего к одной из этих систем в текст, относящийся к другой системе» [12, с. 118]. При этом подобное включение может быть как стилистически нейтральным – в таком случае перед нами заимствование – и стилистически окрашенным – как в случае цитирования. Ци-

тирование бывает первичным и вторичным, опосредованным литературной традицией; «эмпирическим» (если цитируется конкретный текст), жанровым (при использовании жанровой модели для построения собственного оригинального текста), а также общефольклорным, в том случае, когда объектом цитирования выступает фольклор как поэтическая система в целом.

Такие специфические особенности фольклора, как наличие общих сюжетных и образных ходов и свойство вариативности, делают возможным цитирование не какого-либо конкретного текста, а целого фольклорного жанра. В последнем случае Д. Н. Медриш употребляет термин, предложенный Данутой Данек, – «цитаты структур, или квазицитаты» – означающий использование поэтик, стилей и художественных систем.

Раскрытие механизма применения автором фольклорной поэтики является лишь одной стороной исследования литературно-фольклорных связей. Не менее важным представляется анализ художественного мышления писателя через призму фольклорной составляющей творчества и изменения отношения к традиционному материалу. Задача исследователя в таком случае заключается также в установлении того, какая роль принадлежит в фольклорной традиции в создании национальной картины мира, воплощенной как в конкретном тексте, так и в художественном творчестве писателя в целом.

Как правило, в моделировании картины мира принимают участие не только фольклорные элементы, но и мифологическая составляющая. Поэтому очень важно выяснить то значение, какое приобретают в создании художественной модели текста два начала – мифологическое и собственно фольклорное. Считаем, что при этом следует исходить из признания непрерывности взаимосвязи между фольклорным и мифологическим началом, присутствующим в тексте, из возможного наличия мифологического в двух формах проявления, а именно: в фольклорных единицах, входящих в художественный контекст (в их мифологическом ядре), и собственно мифологических компонентах текста, заимствуемых непосредственно из мифологического «арсенала».

В плане исследования проявления мифологического в фольклорном представляет интерес статья С. Ю. Неклюдова «О некоторых аспектах исследования фольклорных мотивов». Ученый вводит понятие «мотивоидов», или «квазимотивов», которые являются «чистой семантикой», отвлеченной от своей синтаксической позиции и имеющей соответствия в мыслительной сфере [13, с. 227]. Исследователь сопоставляет мотивоиды с архетипами мифо-поэтического сознания, которые дискретны и по своей природе лишены фабульных связей. Мотивоиды синтезируются в мотивном фонде как содержащее и содержащее и таким образом получают возможность участвовать в построении и развитии повествовательно-фольклорных коллизий. Мотивный фонд, в свою очередь, в различной степени может удаляться от исходных мифологических представлений. Мифологический образ может прямо входить в повествовательную систему фольклора в качестве «мотивоида», причем различия между ними не морфологические, а функциональные – в организации мотивного фонда непосредственно участвуют не сами мифологические образы, а их отношения.

Возвращаясь к проблеме соотношения и взаимодействия фольклоризма и мифологизма в художественном тексте, следует отметить, что именно «пульсация» мифологического в фольклорном в различных степенях и на различных уровнях взаимодействия с другими элементами художественной системы текста и определяет специфику индивидуального авторского стиля и мировосприятия, отраженного в произведении. Таким образом, исследователю фольклорно-мифологического контекста предстоит определить не только роль фольклорного и (или) мифологического компонента в том или ином тексте, но, что немаловажно, *установить характер и степень их взаимодействия в художественной системе автора*. Следовательно, изучение проблемы фольклорно-мифологического контекста предполагает собой синтез исследований фольклористического, литературоведческого и философского плана.

Литература

1. Далгат, У. Б. Литература и фольклор. – М.: Наука, 1981.
2. Бахтин, М. М. Литературно-критические статьи. – М.: Худ. литература, 1986.
3. Жукас, С. О соотношении фольклора и литературы // Фольклор: Поэтика и традиция. – М.: Наука, 1982.
4. Лотман, Ю. М., Минц, З. Г. Литература и мифология // Семиотика культуры: Труды по знаковым системам. – № 13. – Вып. 546. – Тарту, 1981.
5. Литературный энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1987; Савушкина Н. И. Русская литература начала XX века и фольклор. – М.: изд-во Моск. ун-та, 1988.
6. Исупов, К. Г. Мифологизм, фольклоризм и художественный историзм писателя // Проблемы типологии литературного фольклоризма. – Челябинск, 1990.
7. Ветловская, В. Творчество Достоевского в свете литературных и фольклорных параллелей // Миф-фольклор-литература. – Л.: Наука, 1978.
8. Ахундова, И. Р. Проблема художественного пространства в творчестве Ф. М. Достоевского (контекст литературы и фольклора). – Дис. ... канд. филологических наук. – М., 1998.
9. Гамзатов, Г. Г. Писатель и устно-поэтическая традиция: проблемы и суждения // Фольклор в современном мире: аспекты и методы изучения. – М.: Наука, 1991.
10. Леонова, Т. Русская сказка и ее отношения к народной сказке. – Томск: изд-во Томск. ун-та, 1982.
11. Савушкина, Н. И. Постижение глубин фольклоризма // Фольклор в современном мире: аспекты и пути исследования. – М.: Наука, 1991.
12. Медриш, Д. Н. Литература и фольклорная традиция. Вопросы поэтики. – Саратов, изд-во Саратов. ун-та. 1980.
13. Неклюдов, С. Ю. О некоторых аспектах исследования фольклорных мотивов Фольклор и этнография: У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов. – Л.: Наука, 1984.